

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/340-357

Научная статья

© А. Ю. Москвитина (Сиим)

ЗАНЗИБАРСКАЯ ПРИНЦЕССА И АНТРОПОЛОГИЯ РОДСТВА И ГЕНДЕРА

*Настоящая статья посвящена анализу и истории изданий книги «Мемуары арабской принцессы» Эмили Рюте, урожденной Салме бинт Саид аль Бу-Саид (1844–1924), дочери султана-имама Омана и Занзибара Сейида Саида. Это произведение, впервые опубликованное по-немецки в 1886 г., стало первой в истории автобиографической книгой, написанной арабской женщиной. В его дискуссионном тексте, помимо этнографически ценных материалов о социально-политической жизни, положении женщин в мусульманском обществе, в традиционной арабо-суахилийской семье, специфике родства и правилах наследования на Занзибаре, подробно сформулирован и подвержен критике концепт априорной предвзятости Запада в восприятии, интерпретации и исследовании Востока, который впоследствии получил название «ориентализм». Текст книги представляет собой типичное описание культуры и систем родства с позиции субъектов колониальных единиц (*native point of view*), в связи с чем личность автора и содержание ее работ впоследствии неоднократно актуализировались и подвергались переоценке.*

Ключевые слова: Салме бинт Саид аль Бу-Саид, Эмили Рюте, Занзибар, ориентализм, антропология родства, гендерные исследования

Ссылка при цитировании: Москвитина (Сиим) А. Ю. Занзибарская принцесса и антропология родства и гендера // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 340–357.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/340-357

Original Article

© Anna Moskvitina (Siim)

PRINCESS OF ZANZIBAR AND ANTHROPOLOGY OF KINSHIP AND GENDER

The article focuses on the analysis and publication history of “Memoirs of an Arabian Princess” by Emily Ruete, born Salme bint Said Al-BuSaid (1844–1924), the daughter of the Sultan-Imam of Oman and Zanzibar, Sayyid Said. Published in Germany in 1886, the work was the first autobiographical research ever written by an Arab Muslim woman.

Москвитина (Сиим) Анна Юрьевна — к. филолог. н., старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 3). Эл. почта: anna.siim@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7298-297X>

an. Besides ethnographically valuable insights and discourse on social structures and the position of women in Arab-Muslim societies, traditional Arab-Swahili family, kinship system and inheritance rules in Zanzibar, the author suggested and criticized the concept of Western bias in the perception and interpretation of the East, which later was labeled "orientalism." The book provided a typical description of the culture and kinship systems 'from the native's point of view', which led to some critical attitude to the author of the book and her literary contribution in the post-colonial period.

Keywords: *Salme bint Said Al-BuSaid, Emily Ruete, Zanzibar, anthropology of kinship, gender studies*

Author Info: **Moskvitina (Siim), Anna Yu.** — Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Peter the Great museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: anna.siim@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7298-297X>

For citation: Moskvitina (Siim), A. Yu. 2025. Princess of Zanzibar and Anthropology of Kinship and Gender. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 340–357.

Уникальные сведения из первоисточника о традиционной арабо-суахилийской семье, специфике родства и правилах наследования на Занзибаре были представлены в Европе в сенсационном дискуссионном тексте «Мемуары арабской принцессы», опубликованном на немецком языке в 1886 г. Этот первый в истории автобиографический роман, написанный арабской женщиной и мусульманкой, принадлежит перу Эмили Рюте (1844–1924), урожденной Салме бинт Саид аль Бу-Саид, дочери султана-имама Занзибара и Омана Саида и черкесской наложницы Джилфидан. Информация о специфике родственных связей в арабо-суахилийском мире представлена в преломлении личной судьбы и семейных обстоятельств автора — рождение и детство в султанском гареме, непосредственное участие в борьбе своих единокровных братьев за власть в султанате, побег с Занзибара с немецким торговым агентом во избежание преследований за нелегитимную связь с европейцем, смена имени, религии и цивилизационной парадигмы, замужество и создание собственной семьи нуклеарного типа в Европе, внутренняя пожизненная ностальгическая приверженность арабо-мусульманским правовым нормам и семейным ценностям. Подробное и достоверное описание брачных отношений, гаремной иерархии официальных жен и рабынь-наложниц *сурий*, переходящих после рождения детей в статус *умм-валад* («мать ребенка»), и связанными с этими перспективами наследования власти, титулов и имущества, феномена узаконенной в исламе полигамии представлено в параллели с субъективно-оценочными характеристиками родства и семьи в европейском понимании, тем самым представляя собой тонкий сравнительный анализ включенного наблюдателя.

Сейида Салме (разговорная форма имени Салама) была младшей из тридцати шести детей султана Омана и Занзибара Саида бин Султана; все они родились от рабынь-наложниц, матерью Салме была черкешенка Джилфидан. После смерти султана и матери она получила наследство, в юном возрасте участвовала в организации дворцового переворота, в ходе которого ее единокровный брат Сейид Баргаш пытался свергнуть другого единокровного брата Маджида, после чего оказалась в опале. В 1865 г. состоялось знакомство Салме с германским подданным, гамбургским коммерсантом Генрихом Рюте, в результате связи с которым она забеременела. Опасаясь расправы со стороны

семьи, в 1866 г. Салме совершила тайное бегство в Аден, где родила первенца, умершего через несколько месяцев, а в 1867 г. была крещена в лютеранство под именем Эмили и сочеталась браком с Г. Рюте. Пара уехала в Германию и поселилась в Гамбурге, где у них родились трое детей. После трагической гибели супруга в 1870 г., в 1872 г. вдова получила немецкое подданство. Переезжая из города в город, занимаясь частным преподаванием арабского языка и единолично воспитывая детей, названных двойными немецко-арабскими именами, она смогла дать им классическое европейское образование и обучить своим родным языкам — арабскому и суахили. Будучи лишенной на Занзибаре титула дочери султана за вероотступничество, Салме, тем не менее, рассчитывала на получение долей наследства умерших родственников соответственно мусульманскому наследственному праву. Правительство Германии предлагало ей помочь и протекцию за участие в роли посредника при переговорах с целью расширения сфер влияния в Восточной Африке. Накануне колониальной «схватки за Африку» Салме-Эмили получала предложения о сотрудничестве от Министерства иностранных дел Великобритании в обмен на восстановление в правах на Занзибаре и возможность занятия султанского трона ее сыном Рудольфом-Саидом. Однако визит в Лондон и спланированные Германией поездки на Занзибар в 1885 и 1888 г. оказались непродуктивными, и правительства Германии и Великобритании потеряли к ней интерес. Изданная в 1886 г. книга ее мемуаров была с интересом принята читательской аудиторией, но не возымела ожидавшегося общественно-политического резонанса: состоявшись как неординарный автор, она не смогла заявить о себе как о политическом субъекте, полноправном члене султанской семьи. С 1888 по 1914 г. Салме-Эмили проживала на Ближнем Востоке (Яффо, Иерусалим, Бейрут), где была переводчицей с арабского языка в дипломатических представительствах. Последние годы жизни Салме-Эмили провела в Йене в семье дочери и после смерти была похоронена в Гамбурге на фамильном участке семьи супруга.

Ее драматичная биография, двойная жизнь и изменчивая идентичность на фоне хитросплетений и противоречий колониальной истории неоднократно вызывала интерес исследователей и поэтому хорошо описана в разных контекстах (*Damen* 2009: 231–236; *Donzel, van* 1993: 1–134; *Wijk, van der* 2017: 183–205 и др.). Однако, лучшим биографом Сейиды Салме остается она сама, красноречивым подтверждением чему является динамика прижизненных и посмертных изданий ее работ в разных странах на разных языках.

Впервые книга Салме бинт Саид, дочери султана-имама Омана и Занзибара вышла в 1886 г. в Берлине в издании Фридриха Лукхардта (*Verlag von Friedrich Luckhardt*) в двух томах под названием «Мемуары арабской принцессы» (“*Memoiren einer Arabischer Prinzessin*”) (*Memoiren* 1886). В дорогостоящем изящно оформленном издании текст напечатан готическим шрифтом, на титульном развороте размещена фотография автора в традиционном оманском костюме и украшениях, под название произведения — вставка с ее подписью арабской вязью, похожей по композиции на тугры занзибарских султанов, سالمة سعيد سلطان Салма Са’ид Султан, а реальное христианское имя и титул сочинительницы — Эмили Рюте, урожденная принцесса Омана и Занзибара — появляется лишь в конце предисловия. В 1888 г. книга вышла дважды уже по-английски, в переводе писателя Л. Стрейчи: в лондонском издательстве *Ward and Downey* (*Memoirs* 1988a) и в нью-йоркском *D. Appleton and Company* (*Memoirs* 1988b). Американское издание по внешнему виду и оформлению выглядело проще и дешевле британского и было нелицензированным аналогом последнего (*Roy* 2015: 9). Тем не менее, в каждом из них имя автора указано на титульном развороте после названия — *Memoirs of an*

Arabian Princess. An Autobiography by Emily Ruete, née Princess of Oman and Zanzibar («Мемуары арабской принцессы. Автобиография Эмили Рюте, урожденной принцессы Омана и Занзибара»). Характерный показатель того, как авторский дебют был принят публикой, — восторженный отзыв на книгу с настоятельной рекомендацией к прочтению в женском журнале *Women's World* Оскара Уайльда. Рецензент, не нуждающийся в представлении, пишет о форме и содержании сочинения так: «Никто из интересующихся положением женщин в восточном обществе, не должен пройти мимо этих прекрасно написанных мемуаров. Сама принцесса — женщина высокой культуры, и рассказ о ее жизни познавателен как история и увлекателен как художественная литература» (*Wilde* 1908: 305). Кроме статьи О. Уайльда, вышло более десятка анонсов и других положительных рецензий на книгу на английском, немецком и французском языках. Спустя недолгое время, еще при жизни Салме в 1905 г. вышел французский перевод книги в парижском издательстве *Dujarric et Cie, Editeurs* (*Ruete* 1905), а в 1907 г. ее снова выпустили в Нью-Йорке в издательстве *Doubleday, Page and Company* (*Memoirs* 1907). В этой последней версии текст английского перевода 1888 г. был сокращен, адаптирован и несколько переструктурирован: каждая глава начиналась с подробного списка ключевых тем (отсутствующего в оригиналe), многие подробности, имена персонажей и транслированные арабские названия занзибарских реалий оказались изъяты; помимо фотографий автора в восточном и европейском платье, издание дополнено иллюстративной вкладкой с «колониальными» фотографиями обитательниц восточных гаремов. Сегодня все перечисленные книги уже являются библиографическими редкостями; но сами тексты оригинала и переводов регулярно переиздаются в недорогих версиях. Их часто можно увидеть в продаже в книжных и туристических магазинах на Занзибаре, самой знаменитой в мире уроженкой которого вошла в историю Салме-Эмили. Ее эффектные образы, особенно кадры из известной серии сделанных в Германии постановочных фотографий в оманском костюме, заметны повсеместно в историческом центре города, в основных музеях в султанских дворцах Бейт-аль-Аджайб (Национальный музей Занзибара) и Бейт-ас-Сахель (Народный музей-дворец) ей были посвящены важные части постоянных экспозиций, также популярен среди местных жителей и туристов частный «Музей принцессы Салме». Недавно ее занзибарские адреса (восемь объектов) были объединены в экскурсионный маршрут «Променад принцессы Салме» и отмечены вывесками с фотографиями и экспликациями, и такого внимания не был удостоен ни один знаменитый исторический персонаж занзибарского происхождения.

В 1993 г. вышла четвертая англоязычная версия мемуаров. В престижном научном издательстве E. J. Brill под редакцией выдающегося востоковеда и директора Нидерландского института Ближнего Востока в Лейдене Э. Й. ван Донзела книга воспоминаний была опубликована с научным предисловием и комментарием вместе с перепиской Сейиды Салме и другими ранее не издававшимися ее очерками культурологического характера (*Donzel van* 1993). Это, уже академическое издание «Сейида Салме / Эмили Рюте. Арабская принцесса между двумя мирами: мемуары, письма на родину, продолжение мемуаров, очерк о сирийских обычаях и традициях», не только преподнесло литературное наследие автора как важный исторический документ, но и представило многогранный исторический и психологический портрет. Такая подача была важна, так как всем предыдущим изданиям была присуща некоторая экзотизация как содержания текста, так и личности автора. Все они были оформлены в колониальном стиле, на обложках помещались, например, изображения несуществующих пейзажей с тропическими

зарослями и похожими на миражи башнями — в духе тогдашней моды на загадочный Восток с пальмами и одалисками. При этом содержание мемуаров очевидно шло вразрез с такими шаблонными ориентальными образами. В работе над этим академическим вариантом были задействованы материалы библиотеки и архива Салме-Эмили и ее наследника Рудольфа-Саида, переданные им в Лейденский Восточный институт (*Oosterse Institut*), основанный к 70-летию крупнейшего нидерландского востоковеда и исламоведа Х. Снука-Хюргронье, связанного многолетней дружбой с Сейидой Салме и ее семьей (*Damen 2009: 235; Donzel van 1993: 5–7*). История их отношений весьма характерна и свидетельствует о том, что занзибарская принцесса была вхожа не только в круг политическо-дипломатических элит Европы, но и в научно-востоковедческое сообщество. И если люди из первого круга взаимодействовали с ней и даже оказывали ей протекцию с целью вовлечения ее в колониальные политические проекты, то Снука-Хюргронье несомненно проявлял интерес и симпатию к ее личности. У дочери султана-имама Омана и Занзибара, интегрированной в европейское общество как христианка Эмили Рюте и ведущего европейского исламоведа Христиана Снука-Хюргронье, принялшего ислам под именем Абд-аль-Гаффар и дважды женившегося на дочерях представителей мусульманской знати в Индонезии, несомненно было немало точек соприкосновения и паритет статусов. Их знакомство состоялось в Берлине, где преподававшая арабский язык Салме-Эмили приходила на лекции Снука-Хюргронье о его пребывании в Мекке; сохранилась их обширная дружеская переписка за более чем тридцать лет. Любопытно, что старшая дочь Снука-Хюргронье от первого брака в Индонезии была названа Салма Эма (*Koningsveld 2015: 101*). Вероятно, это не случайно.

В 1995 г. мемуары вышли в Нидерландах на голландском языке (*Ruete 1995*). В самой же Германии сборник писем «*Briefe nach der Heimat*» («Письма на Родину») был издан в 1999 г. в редакции и с научным предисловием и послесловием историка и бывшего посла ФРГ в Танзании Х. Шнеппена (*Ruete 1999*). Спецификой научного издания обладала и издававшаяся в 1989 г. и 2010 г. новая орфографически модернизированная и сокращенная немецкая редакция мемуаров с измененным названием и откорректированным именем автора — Эмили Рюте, урожденная Салме, принцесса Омана и Занзибара «Жизнь в султанском дворце. Мемуары 19-го века» (*Emily Ruete, geborene Prinzessin Salme von Oman und Sansibar «Leben im Sultanspalast. Memoiren aus dem 19. Jahrhundert»*) (*Ruete 1989*). Редактор и автор послесловия, немецкая этнолог-арабист А. Ниппа, справедливо подчеркивает, что мемуары стоит рассматривать как богатый источник этнографической информации и что по стилю и языку изложения они тяготеют к этнографическому описанию, а не к беллетристике (*Nippa 1989: 280*).

На родной для Салме-Эмили арабский язык книга была впервые переведена в Омане в 1985 г. по инициативе Министерства наследия и культуры из интереса к знаменитой за пределами арабского мира представительнице правящей династии Аль Бу-Сайд, которую впоследствии стали позиционировать как родоначальницу женской литературы Омана (хотя фактически она ни разу не бывала в этой стране). *Muḍakkirāt amīra ‘arabiyya* («Воспоминания арабской принцессы») (مذكرات 1985) — это выборочный и произвольный перевод сокращенного англоязычного издания 1907 г. (*Donzel 1993: 2–3; Wijk van der 2017: 199–200*). В 2002 г. с таким же названием появился полный арабский перевод с немецкого оригинала, выполненный С. Салих, в дальнейшем он несколько раз переиздавался, однако все тиражи этого улучшенного арабоязычного перевода вышли в издательствах Германии (مذكرات 2002); в 2016 г.

в немецком издательстве Al-Kamel опубликовали в арабском переводе З. аль-Хина'и письма Салме-Эмили “Rasa'il ila-l-watan” («Письма на родину») (رسائل 2016).

Мемуары доступны и в русской версии: в 2011 г. в московском издательстве «Центрполиграф» они вышли под названием «Принцесса Занзибара. Женщины при дворе султана Сеида Саида» в переводе И. Петровской (*Руэтте* 2011). Это простое недорогое издание в черной обложке, с которой выразительно смотрят женские глаза через прорезь в никабе, и удачным переводом сокращенной англоязычной версии мемуаров 1907 г., судя по характерным купюрам в тексте. Ненаучный формат издания (книга являлась частью популярной серии о восточных женщинах) не подразумевал выверения исторических и этнографических реалий, поэтому в нем есть некоторое количество фактических погрешностей, и даже имя автора написано в чисто буквенной передаче, а потому неточно — Эмилия *Руэтте*. Также стоит упомянуть изданный в 2014 г. русский перевод романа немецкой писательницы Н. Фоссерер «Звезды над Занзибаром» (“Sterne über Sansibar”, 2010, в переводе А. Ченгери), где Салме-Эмили (Салима) является главной героиней, а в основе сюжета — романтическая история ее запретной любви с германским подданным (*Vosserer* 2010; *Фоссерер* 2014); Н. Фоссерер специализируется на женских романах, действие которых переносится в колониальную эпоху и экзотические страны. В контексте того, как книга мемуаров оказалась представлена в нашей стране, стоит отметить, что в самих мемуарах Эмили-Салме есть упоминания российской действительности того времени, например, «круглые, как шар, купола русских православных церквей» и «тиранию должно осуждать, кто бы ни был ее жертвой — бедный негр или цивилизованный белый труженик на сибирском руднике». Здесь стоит сказать и о курьезной версии российского происхождения принцессы по материнской линии: это связано с некорректной территориальной атрибуцией черкесов как жителей «юга России» в аннотации на посвященной Салме части экспозиции в главном музее Занзибара во дворце Бейт-уль-Аджайб (там сообщается, что мать принцессы, Джилфидан, была наложницей-черкешенкой и родилась на юге России). Хотя это следствие очевидной и нелепой контаминации значений слова «черкес», примечательно, что такое могло прийти в голову писавшему текст музеиному сотруднику и что это могло увидеть, некритично прочитать и запомнить немалое число посетителей музея (*Сиим (Москвитина)* 2019: 261–262). В настоящее время, здания Национального музея Занзибара и Народного дворцового музея в здании бывшего султанского дворца Бейт-ус-Сахель находятся на реставрации, и часть экспозиции перенесена в помещения одного из пригородных дворцов Каср-ус-Са`ада в Кибвени: там мне неоднократно доводилось слышать от сотрудников музея уже устно озвученные рассказы о русском происхождении Салме.

В приложении к статье представлен мой перевод «Положения женщины на Востоке» (“Stellung der Frau im Orient”), шестнадцатой главы первого тома берлинского издания 1886 г. В сегодняшнем восприятии, факт публикации издания первого литературного сочинения арабской женщины-автора на немецком языке готическим шрифтом придает ему особенный характер в культурной конфигурации той эпохи. Конечно, именно в оригинале лучше всего виден язык и стиль повествования. Сейчас такой стиль прочитывается как несколько устаревший, а манера изложения воспринимается как характерная для образованных людей и интеллектуалов того времени. В целом, нарратив на всем своем протяжении выдержан в несколько усложненных и тяжеловесных грамматических конструкциях, длинных — порой на целую страницу — предложениях с многочисленными инверсиями и синтаксическими оборотами. Это заметно, в первую

очередь, в аналитических главах, к каким относится «Положение женщин на Востоке». В более описательных главах, где собраны детские и юношеские воспоминания о матери, отце, многочисленных любимых и нелюбимых единокровных братьях и сестрах и их матерях-наложницах, язык несколько проще, а стиль более эмоционален, “plain and unaffected”, как справедливо охарактеризовал его Оскар Уайльд. Главы, посвященные описанию мусульманских обычаяев и всевозможных сфер социальной жизни и быта на Занзибаре, скрупулезны в деталях, их текст плотный, предельно насыщен фактами и сравним по уровню глубины с основательными немецкими трудами того времени по этнографии. Автор часто осуществляет переходы от бытописания к пространным обобщениям, внутренней полемике между восточным и западным сознанием и восприятием, взвешенно аргументирует свои выводы, сравнивая арабо-мусульманскую и европейскую парадигмы (оппозиция «магометанский Восток» / «цивилизованная христианская Европа», причем слово «цивилизованная» неизменно возникает как ироничная метафора). Так, необходимость объяснить сложные по определению феномены обуславливает сложность организации собственно текста. Салме-Эмили, интуитивно формулирует концепт о непреодолимой предвзятости западного человека в формировании ложных стереотипов о Востоке, выдаваемых за систему знаний — именно такую европейскую идею-симулякр Востока впоследствии назовут «ориентализм». Также она описывает механизмы фиксации западного восприятия на определенных феноменах восточной жизни, которые расцениваются как вопиющие проявления отсталости и неполноты, и необходимость искоренить их становится поводом для культурной и политической колонизации Востока. Такими феноменами неизменно становятся традиция женского покрывания, символизирующая в глазах европейцев угнетенное положение женщин, и легитимизация исламом института рабовладения. И здесь подробная аналитическая оправдательная интерпретация автором этих неоднозначных реалий особенно важна, так как ее озвучивает не просто носитель восточной культуры, а женщина, сама дочь рабыни-наложницы, к тому же изгой и нарушительница религиозного закона (уже ставшая персоной нон грата за участие в дворцовом перевороте, дочь султана за связь с немусульманином и тайное бегство с ним из страны была объявлена в розыск и в случае возвращения на Занзибар была бы подвергнута наказанию вплоть до смертной казни). В отдельной главе-рассуждении «Рабство» («Versklavung») Салме-Эмили проводит уникальный для своего времени сравнительный анализ атлантической работорговли, американско-бразильского типа рабовладения и арабской работорговли и рабовладения, выявляя их качественные различия, при этом осуждая с гуманистической позиции любое рабство как таковое. Подобные проблемы в настоящее время чрезвычайно актуальны в социальной науке сегодня в рамках таких дисциплин, как антропология рабства и антропология гендерса; тем удивительнее то, что эти вопросы были остро поставлены полтора столетия назад в автобиографической книге занзибарской принцессы. Поэтому в качестве иллюстрации я считаю необходимым привести перевод целой главы мемуаров Салме-Эмили.

В заключение стоит сказать, что восточная женщина Сейида Салме Бинт Саид оставила по себе столь долгую память на Занзибаре и в европейских странах благодаря своей книге. В мемуарах представлены портреты харизматичных единокровных сестер Салме, прекрасных молодых женщин, ярких и деятельных представительниц арабской элиты. Хотя вся их жизнь прошла на Занзибаре, сегодня там их вспоминают гораздо реже, чем их младшую сестру, которая рассказала о них в своих воспоминаниях. Иные предста-

вители занзибарской ветви династии Аль Бу-Саид, среди которых были два правивших султана, в колониальное время волею судеб, как и Салме, оказались в Европе. Так, восьмой султан Сеййид Али бин Хамуд (1902–1911) после девяти лет правления отказался от престола и отправился в политическое убежище во Францию, прожил остаток жизни в Париже и был похоронен на кладбище Пер-Лашез; последний султан Сеййид Джамшид бин Абдулла (1963–1964), при котором Занзибарский султанат получил независимость в декабре 1963 г., после свержения монархии в ходе Занзибарской Революции перебрался в Великобританию, где прожил больше пятидесяти лет, после чего уехал в Оман, где скончался 30 декабря 2024 г. в возрасте девяноста пяти лет. В отличие от Салме-Эмили, их биографии изучают лишь историки-специалисты. Сама принцесса, несмотря на свою неординарную судьбу на родине и в Германии и яркую дипломатическую карьеру на Ближнем Востоке во второй половине жизни, вряд ли бы стала столь почитаемой исторической персоной на Занзибаре и в Германии и вряд ли бы ей были посвящены значительные экспозиционные пространства в музеях, если бы не заявила о себе и своих взглядах в собственной книге, ставшей достаточно сенсационной уже в момент издания и обретшей долгую и благоприятную жизнь даже после смерти своей создательницы. Подтверждением этому представляется и недавний курьезный случай, когда книга, наоборот, в некотором смысле навредила репутации Салме-Эмили. В 2019 г. именем Эмили Рюте назвали площадь в Гамбурге (Emily-Ruete-Platz). Однако два года спустя решением муниципального совета площадь официально лишили названия и позже переименовали по требованию инициативной группы местных жителей, которые, заинтересовавшись личностью Рюте, прочли мемуары «восточной аристократки» и обнаружили в них апологию рабства и пренебрежительные и в современном понимании расистские высказывания о чернокожих невольниках на плантациях Занзибара.

Приложение

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ НА ВОСТОКЕ¹

Перед тем, как продолжить рассказ о моем собственном опыте, мне бы хотелось добавить несколько глав, затрагивающих разные области восточной жизни. Я не хочу давать подробное описание всех нравов и обычаев; я стремлюсь не писать научную книгу, а лишь попробовать дать европейскому читателю правильное понимание наиболее важных взглядов и обычаев Востока. Частности будут интересовать меня в меньшей степени; тем не менее, не хотелось бы опускать их, так как по крайней мере некоторые из них могут стоить внимания.

Сейчас я перехожу к важнейшему из этих вопросов — положению женщины на Востоке. Мне достаточно трудно обсуждать эту тему. Я уверена, что меня, как уроженку Востока, сочтут пристрастной, и мне так и не удастся искоренить неверные и превратные мнения, которые господствуют в Европе и особенно в Германии, о положении арабской женщины по отношению к мужу. Несмотря на упрощение связей с ним, Восток еще во многом является старинной сказочной страной и о нем можно безнаказанно рассказывать все, что угодно. Путешественник (турист) едет на несколько недель в Константинополь, в Сирию, Египет, Тунис или Марокко и затем пишет толстую книгу

¹ Ruete E. Stellung der Frau im Orient // Memoiren einer Arabischer Prinzessin. Berlin: Verlag von Friedrich Luckhardt, 1886 (пер. с нем. Москвитина (Сиим) А. Ю.).

о жизни, нравах и обычаях на Востоке. Он способен заметить лишь некоторые внешние вещи, но никогда не увидит во всей глубине настоящую семейную жизнь. И он довольствуется переходящими из уст в уста и потому все более и более искаженными историями, которые он услышал от официанта — француза либо немца — в гостинице, от матросов или погонщиков ослов, записал и делает выводы по ним! И многое другое тоже нельзя узнать подобным образом; но он просто подключает фантазию и дополняет ею все, сколько его душе угодно. Если его книга написана занятно и интересно, то ее, конечно же, будут читать больше, чем правдивые и предлагающие меньше пикантных подробностей книги, и тогда побеждает мнение большинства.

Примерно так же вышло и у меня: я тоже долгое время оценивала многое в Европе лишь с внешней стороны. Когда я поначалу видела в здешнем обществе сияющие от счастья лица, то конечно, уверилась в том, что отношения между мужчиной и женщиной в Европе устроены гораздо лучше и поэтому браки должны быть намного счастливее, чем на мусульманском Востоке. Однако потом мои дети подросли и более не нуждались в моем постоянном надзоре и заботе, я стала теснее общаться с миром и все больше понимала, что прежде неверно оценивала людей и их отношения и пребывала в большом заблуждении. Я наблюдала некоторые отношения, называемые браком, которые в самом деле, казалось, служили одной лишь цели, — обречь обоих связанных этими узами ужаснейшим мучениям в этом мире. Я видела достаточно несчастливых браков, чтобы разувериться в том, что христианский брак намного более совершенен и делает людей гораздо счастливее, нежели магометанский. По моему убеждению, ни религия, ни действующие обычаи и взгляды не делают брак изначально счастливым либо несчастливым; каким он будет, прежде всего, зависит от истинного взаимопонимания между супружами. Там, где оно есть, будет преобладать и счастье, и мир, выстроится та внутренняя гармония, которая только и превращает брак в настоящий союз.

Наученная этим опытом, я намерена выносить меньше суждений и постараться в дальнейшем рассказать о положении женщины на Востоке, а именно в браке. Мне известно доподлинно положение дел на Занзибаре и в примерно так же — в Омане. В арабском мире и среди арабов мусульманские обычаи сохраняются в чистом виде, и у других народов Востока они полагаются в основу, поэтому в своем описании я берусь говорить обо всем мусульманском Востоке, конечно, опуская искажения и изменения, образовавшиеся в результате тесного взаимодействия с христианским Западом.

Прежде всего, неверно полагать, что на Востоке женщина уважаема обществом меньше мужчины. Равная по положению женщина, — купленные наложницы (*carari*¹), разумеются, исключаются из этого ряда, — равна мужчине во всех смыслах и сохраняет свой статус и положенные в соответствии с ним права и достоинства во всей полноте.

В чем арабская женщина может показаться беспомощной и в известной степени наделенной меньшими правами, так это в том, что она живет в затворничестве. Этот обычай существует у всех магометанских (а также у многих немагометанских) народов Востока, и чем к более высокому классу женщина принадлежит, тем строже она должна ему подчиняться. Ей можно быть на виду только у отца, сына, дядьев и племянников и всех рабов;

¹ *Carari* — мн. ч. от *сури* (арабск. «рабыня-наложница»). Здесь и далее выделяются и приводятся слова, обозначающие занзибарские реалии и изначально написанные по-арабски либо на суахили в авторской латинской транслитерации, тем более, что в английских изданиях они часто не сохраняются и даются сразу в переводе. Некоторые из них, возможно, хорошо известны современному читателю и не нуждаются в пояснениях, однако, для европейской аудитории позапрошлого века они могли казаться непонятными.

если ей нужно предстать перед посторонним мужчиной либо говорить с ним, то религия ей предписывает покрывать себя. Часть лица, подбородок, шея и лодыжки должны быть прикрытыми прежде всего. Соответствуя этим требованиям, она полностью свободна в передвижении в дневное время и может без ограничений ходить по улице. Малообеспеченным же женщинам, у которых мало рабов либо их нет вообще, из-за этого приходится часто самим выходить из дома днем, и таким образом они обладают большей свободой. Если спросить у такой женщины, как она к этому относится, то она ответит: «Такие установки созданы лишь для богатых, но не для бедных женщин!» И я могу утверждать, что дамы высшего общества нередко завидуют бедным из-за этого преимущества, и в этом отношении особенно повезло оманским женщинам, которые вследствие бедности их страны могут позволить себе держать лишь немногих рабов-прислужников.

Богатая знатная дама также может, как было сказано, выходить из дома в дневное время. Если кто-то из ее близких вдруг заболел либо умер, она может посетить его в его жилище. Она может также пойти к судье, чтобы лично представлять свои интересы в суде, если у нее нет иного защитника. Однако обычай предписывает пользоваться этим правом лишь в крайних случаях, а милое самолюбие вторит ему, ведь обязательное покрывание уродует женщин и делает их похожими на ходячих мумий.

Сегодня я охотно соглашусь с тем, что в этом отношении на Востоке доходит до чрезмерности, однако при этом я не нахожу европейские обычаи лучше. Если посмотреть на благородную даму в бальном платье, недостаток прикрывающей тело одежды можно не без справедливости счесть еще худшей чрезмерностью.

Однокой женщине на Востоке остается только посочувствовать. Будучи полностью отгороженной от мужского мира религией и обычаем и потому не имея более надежной защиты, иногда она оказывается в неловком положении. Чиновники и управляющий ее делами, которых она не может увидеть и обратиться к ним, если они такие же арабы, нередко пользуются ее незащищенностью и обманывают ее. Я даже знаю разных дам, которым попросту пришлось выйти замуж, дабы не быть жертвами подобного обмана.

Женское затворничество может оказаться поистине тягостным, и порой это заходит слишком далеко. И все же, не стоит слишком жалеть жительницу Востока так, как это любят делать здесь. Она ощущает на себе это принуждение, однако не особенно жестко. Большая сила привычки постепенно делает терпимой даже самую неприятную жизнь.

Еще больше восточной женщине сочувствуют в связи с многоженством — тому, что ей приходится делить любовь мужа с другой или многими другими. Закон позволяет мусульманину иметь четырех жен одновременно, и — если одна из них умрет либо разведется с ним, — привести и пятую. *Сарари*, или наложниц, он может купить столько, сколько ему позволяют желание и деньги. Но мне ни разу не доводилось видеть кого-либо, у кого действительно было бы одновременно четыре жены. Разумеется, бедный может взять лишь одну жену; богатый так же ограничивает себя, у него может быть, самое большое, две: живут они порознь и каждая из них ведет свое отдельное хозяйство.

Само собой разумеется, что и на Востоке есть женщины, которые умеют сохранять свою независимость. Такие выясняют у претендента на их руку, есть ли у него уже жена, и требуют включить в брачный контракт формальное заверение, что тот не приведет в дом еще одну жену и не купит себе *сури*.

На практике, по большей части преобладает одноженство. Но если кто-то решает-таки воспользоваться дозволенным по закону, часто условия проживания с разными жен-

щинами оказываются пренеприятными. Очевидно, что возникают неприязнь и зависть и что, учитывая горячий темперамент южанок, растет неистовая ревность. Из-за безразличного нам дела или человека нас не может охватить ревность, только если оказывается под вопросом наше обладание теми, кого мы любим всей душой и желаем заполучить их исключительно для себя. И разве частые вспышки такой ревности говорят не о том, что жительница Востока способна любить сильнее, чем более холодная северянка?

Из-за ревности многоженство может стать величайшим мучением, и это довольно хорошо. Многие богатые и знатные мужчины боятся подвергнуться риску таких ежедневных сцен и поэтому становятся приверженцами одноженства. Таким образом этот скверный обычай соблюдается чем дальше, тем реже. Ведь то, что многоженство действительно никоим образом не достойно защиты и оправдания, становится ясно всяко-му, кто способен здраво мыслить, и прежде всего всякой женщине. Но есть еще один вопрос. Как обстоит дело с браком у христиан, у цивилизованных европейцев? Я полностью умолчу о том, что в христианской стране у называющей себя христианской секты мормонов часто практикуется многоженство. Но в добродородочном европейском обществе всегда ли брак священен? Разве не часто является чистой иллюзией, когда говорят об «одной» жене? Конечно, христианин может жениться только на одной женщине, и это большое преимущество христианства. Христианский закон благоволит доброму ициальному, магометанский — потакает дурному, но на Востоке существующая традиция и реалии смягчают дурные последствия закона в значительной степени, в то время как здесь вопреки закону довольно часто торжествует грех. Почти единственным различием в положении восточной и европейской женщины мне представляется то, что первой известны число и возможно также личность и характер ее соперниц, тогда как последняя пребывает в благом неведении.

Купить *сараги* конечно же может только состоятельный мужчина. Будучи изначально рабынями, они, как только у них появятся дети, выглядят уже как свободные. Очень редко и только у жестоких мужчин случается так, что после смерти ребенка хозяин снова продаст *сури*, испытывая нужду либо пресытившись ею. Если мужчина умирает, его *сараги* становятся полностью свободными, и над ними больше нет хозяина. Если потом она выйдет замуж за брата либо иного родственника умершего хозяина и освободителя, она как свободная женщина станет ему законной женой.

То, что женатый араб обращается со своей супругой пренебрежительно (как это представляют здесь), — это вымысел. О том заботится уже религия, которая в некоторых отношениях конечно же ставит женщину ниже мужчины, но тут же препоручает ее, словно беспомощного ребенка, защищать мужа. Набожному богобоязненному мусульманину столь же присуща человечность, как и воспитанному цивилизованному европейцу. Первый, возможно, даже более требователен к себе, так как всегда помнит о вседесущности Господа, давшего те заповеди, и до последнего вздоха твердо держится веры в справедливое воздаяние за благие и злые деяния.

Конечно, как на Занзибаре, так и здесь, наряду с благородными личностями встречаются тираны, которые не оказывают должной любезности и внимания своим супругам. Однако я могу со знанием дела сказать, что о ласковых мужьях, которые бьют своих жен, здесь я слышала намного чаще, чем у себя на родине. Для достойного араба подобное является позором. Безусловно иначе обстоит дело у негров: достаточно часто у себя на плантации мне случалось разнимать и мирить яростно дерущуюся чету.

Женщина также никоим образом не обязана подчиняться каждому капризу своего

мужа. Если она не хочет допускать подобное по отношению к себе, она всегда находит защиту у своих родственников, либо, если она совсем одна, она имеет право обратиться со своей жалобой к *кади*¹. А часто она помогает себе сама.

Одна дама, с которой я очень дружна, в шестнадцать лет вышла замуж за кузена, который был многим старше ее и никоим образом ее не достоин. Этот отъявленный прожигатель жизни полагал, что его молодая жена все перенесет, однако он был немало удивлен, когда, однажды вечером, вернувшись домой, вместо жены обнаружил лишь написанное в жестких выражениях письмо. Эту свою подругу я всегда навещала в ее имении наудачу, не извещая заранее о визите. Я знала наверняка, что ее прекрасный супруг предпочитает предаваться городским утехам (развлечениям в городе). Однажды, вскоре после этого, она приехала ко мне и сообщила, что мне больше нельзя приезжать к ней без предупреждения, потому что ее муж теперь все время при ней. Он явился к ней с раскаянием и отчаянно молил ее о прощении. Раз поняв, насколько решительной может быть его юная жена, он очень опасался снова ее обидеть. Похожих примеров независимости восточных женщин я могла бы рассказать много.

При приветствии супруги целуют друг другу руки. Когда едят, их дети находятся вместе с ними. Жена оказывает мужу всевозможные маленькие знаки внимания: подает ему оружие перед выходом и снимает при возвращении, подносит ему воду. В общем, она заботится обо всех приятных мелочах, которые привносят в совместную жизнь душевность и теплоту. Все это чисто добровольные проявления, и она никоим образом не избегает их исполнения.

Все домашнее хозяйство — исключительно под началом женщины: в этом царстве она полновластная госпожа. Понятия денег на хозяйствственные расходы, которыми муж обеспечивает свою жену, как такового нет, оба супруга берут средства из одного кошелька. Только мужчина, у которого две жены, которые проживают порознь и каждая ведет свое хозяйство, разделяет свой доход.

До каких пределов простирается это женское царство, зависит от характеров супругов. Однажды, когда я пригласила большую компанию на одну из своих плантаций, поскольку я разослала приглашения довольно поздно и следовало ожидать отказов приехать, и одна дама не могла за короткое время организовать поездку из своего имения ко мне, одна из моих подруг, молодая женщина, предложила прислать мне на помощь необходимое количество оманских ослов в полном снаряжении и даже извозчиков. Я заметила ей, что ей следовало вначале обсудить со своим мужем, не будет ли тот против столь щедрого предложения. И она кратко ответила, что не в ее привычкеправляться у мужа о таких пустяках.

Еще одна известная мне дама на Занзибаре распоряжалась всеми делами и деньгами в еще большей степени. Имениями и городскими домами, принадлежавшими ее мужу, управляла она одна. Супруг даже вообще не знал, насколько велик был его доход, и ему отнюдь не было в тягость брать из ее рук деньги в нужном ему количестве. Благодаря ее предусмотрительности и смекалке дела его шли весьма хорошо.

Воспитание детей полностью находится в руках матери, будь то законная жена или купленная рабыня. И в этом она видит величайшее счастье. Если в Англии есть прекрасная традиция — и ей весьма важно следовать, — когда мать за целых двадцать четыре часа один раз ненадолго заглядывает в детскую комнату, если француженка отправляет своего ребенка в деревню и доверяет его совершенно чужим людям, арабка окружа-

¹ *Кади* — мусульманский судья.

ет своих детей постоянной заботой, оберегает их и ухаживает за ними с величайшим вниманием и едва ли отпускает от себя до тех пор, пока они нуждаются в материнской защите. За свою самоотверженность она получает в награду искреннее уважение и глубокую любовь. Привязанность к детям всецело искупает недостатки многоженства и делает ее семейную жизнь счастливой и радостной.

Наблюдавшие легкий и веселый нрав женщин на Востоке должны были убедиться, как мало правды во всех этих историях об их ущемленном униженном положении и неразумных и недостойных человека жизненных чаяниях. Однако более глубокое понимание сути этих отношений невозможно получить, если видишь все это мельком во время краткого посещения. О разговорах не может быть и речи, даже если то или иное более или менее правильно переведут: поэтому едва ли можно выйти за пределы всем известных банальных выражений и общих слов.

При всей своей учтивости, араб не любит, когда чужие люди интересуются его личными делами, и менее всего, если это иностранцы и иноверцы. Однажды к нам пришла гостья из Европы, и мы все вначале уставились на нее, удивляясь, какая она необъятная; тогда в моде были кринолины, которые часто перегораживали собой лестницу во всю ширину. И весьма скучный разговор с обеих сторон едва выходил за рамки тайн разных костюмов. И упомянутую даму приняли как полагается с угощениями, евнух умастил ее розовым маслом, ей преподнесли подарки на прощание, и она покинула нас с такими же знаниями, с какими пришла. Она зашла в гарем, увидела несчастных восточных женщин (да и то только в покрывалях¹, подивилась на нашу одежду, наши украшения, нашу ловкость, с которой мы сидим на полу, — и на этом все. Она никак не может похвастаться тем, что она увидела больше, чем другие европейские гости, которые бывали у нас до нее. С ней ходили евнухи, прислуживали ей и проводили обратно; она постоянно оставалась под наблюдением. Едва ли ей покажут какую-либо комнату, кроме той, где ее принимают. И ей часто не удается догадаться, кем в действительности является дама с закрытым лицом, с которой она разговаривала. Короче, ей никоим образом не предоставляется шанса близко соприкоснуться с восточной семейной жизнью и положением женщины².

Есть еще существенный пункт для более правильного понимания восточного брака. Замужество девушки никак не меняет ее имя и статус. Жене принца, происходящей из простой семьи, не придет в голову требовать равенства со своим мужем. Несмотря на брачные узы, она остается «дочерью (бинт) Н. Н.» и продолжает так называться. Напротив, принц или вождь в Аравии часто позволяет своей дочери или сестре сочетаться браком со своим собственным рабом. Он говорит себе: «Мой слуга останется также и ее слугой, и она его госпожа, как ранее». А тот посредством этого брачного союза перестает быть рабом, однако конечно же всегда обращается к своей жене «высочество» или «госпожа».

¹ В оригинале — причастие *mastiert*, образованное от арабск. مستور «закрытый», «покрытый».

² Этим замечаниям об измышлениях европейцев о восточных гаремах весьма созвучны по логике и акцентам слова выдающегося российского индолога Е. Н. Успенской (1957–2015) в разделе ее книги, посвященном устройству жизни раджпутской семьи: «И хотя все исследователи в один голос говорят, что добрая половина всех моральных и политических проблем, которые изнуряли княжеские дома Раджпутаны, были следствием полигамии, большое количество жен и детей было предметом гордости. Особенно иностранцы любили описывать нравы гаремов, порядки, заведенные в таком доме, истории и происшествия, там случившиеся, — как будто они там бывали!» (Успенская 2000: 198).

Если муж упоминает в разговоре жену, — чего он однако старается избегать, — то он не называет ее «моя жена», а описывает ее как «дочь такого-то». Самое большее, он может использовать выражение «ум ийали¹», то есть «мать моей семьи», неважно, есть у него дети или нет.

Часто супруги, которые не знали друг друга до брака, не могут найти путь к пониманию. Возникают тяжелые неприятные отношения также и по другим причинам, как то случилось у моего отца с Шехзаде² и у Маджида с Ашем³. Но и для таких случаев мусульманский закон предлагает преимущество — процедура развода чрезвычайно упрощена. И ведь лучше, когда супруги, которые во всех взглядах и характерах резко противоречат друг другу, расстаются мирно, чем когда они навечно остаются связанными и обреченными на взаимные истязания, что так часто приводит к чудовищным преступлениям. Тогда женщина удерживает за собой все свое имущество, которое было в ее полном распоряжении также и во время брака. Если муж запросил развод по суду, то ей отходит также брачный дар, данный ей им на свадьбе; но если требование развода исходит от нее, то она должна этот дар вернуть.

Я полагаю, что из всего сказанного очевидно следует, что женщина на Востоке далеко не столь порабощена, угнетена и бесправна, как представляют себе здесь. Она очевидно не пустое место. Какой власти и какого влияния способны добиться некоторые, можно показать на примере моей мачехи Аззе бинт Сеф⁴. Она имела полную власть над нашим отцом, и двор и государство нередко зависели от ее высочайшей прихоти. Все, что мы, ее так во многом разделенные, но в этом вопросе полностью единые, пасынки и падчерицы ни пытались сделать, чтобы ослабить ее власть, не удавалось в большинстве случаев. Если один из нас хотел чего-то попросить у отца напрямую, это постоянно отклонялось; просьба должна была быть изложена Биби⁵ Аззе, и без ее одобрения отец ничего не решал. Вплоть до своей смерти у нее получалось сохранять свою власть во всех отношениях.

Вот другой пример. Дочь одного нашего коменданта крепости в Омане переехала со своим мужем оттуда на Занзибар. Они были вполне зажиточные и у них не было детей — как мне говорила сама эта женщина, «к ее счастью». По характеру она была умна и остра на язык (с последним из этих качеств нигде не будешь так счастлив, как у нас), но внешне безобразна, как ночь. Несмотря на это, муж ее просто обожал и выдер-

¹ В оригинале — латинская транслитерация *اُمِّ الْفَلَّاح* «матерь моей семьи».

² Шехзаде — Шахзаде Шахрузад Ханум, дочь персидского принца Ираджа-мирзы из рода Каджаров, третья жена султана Са`ида ибн Султана, с которой он развелся из-за ее неверности. Об ее экстравагантном образе жизни на Занзибаре Салме-Эмили составила подробное описание в мемуарах (Memoiren 1886: 93–94). Возможно, имеется в виду вторая жена султана, персидская принцесса Шахзаде Шахзада Ханум, внучка Фетх Али-Шаха, недолгий и бездетный брак с которой также закончился разводом из-за семейных противоречий и неверности супруги.

³ Маджид — Маджид ибн Са`ид (1834–1870), сын султана Са`ида ибн Султана, первый султан Занзибара (1856–1870), единокровный брат Салме-Эмили. Ашие — А’иша Аль Бу-Са`идийя (Аззе), дальняя родственница султанской семьи из Омана, первая жена Маджида ибн Са`ида. Их недолгий брак (1855–1858) закончился разводом по инициативе А’иши, страдавшей от враждебного отношения со стороны сестры Маджида Хадуджи, о чем Салме-Эмили рассказывает в мемуарах (Memoiren 1886: 90). Здесь стоит отметить, что многие женские имена в мемуарах (Ашие, Аззе, Хадуджи, Холе и др., включая собственно имя автора — Салме) представлены в мемуарах в разговорной форме того времени.

⁴ Аззе бинт Сеф — Сейида Азза бинт Сайф Аль Бу-Са`ид (ум. в 1860 г.), кузина султана Са`ида ибн Султана и его первая и старшая жена, управительница гарема.

⁵ Биби — уважительное обращение на суахили и арабском к взрослой женщине («дама», «госпожа»).

живал ее многочисленные капризы с поистине ангельским терпением. Когда она хотела выйти в свет, ему приходилось, словно рабу, ее сопровождать и забирать, хотел он того или нет. Он не располагал своим временем, и уже с раннего утра, совершив молитву, должен был ждать ее распоряжений — соизволит ли его госпожа Аше остаться с ним или покинет его на весь день. Он был всецело ее рабом.

Я хочу вспомнить об одной личности из нашей семьи, история которой в особенностях разоблачает как ложь эти сказки о неполноценном положении жительниц Востока. Моя двоюродная бабушка¹, сестра моего деда, до сих пор считается у нас примером умной, смелой и деятельной женщины. О ее жизни и поступках всегда рассказывают, и стар и млад слушают о ней с истинным благоговением.

Когда мой дед султан-имам Маската умер в Омане, у него остались трое детей — мой отец Саид, мой дядя Салюм и моя тетя Аше. Моему отцу было тогда девять лет, и поэтому было необходимо учредить регентство. Вопреки всему, моя двоюродная бабушка очень решительно объявила, что она сама возьмет на себя управление до наступления совершеннолетия ее племянников и отклонила все возражения. Министрам, которые не предполагали такого решения и сами рассчитывали занять это место, чтобы на годы сажать стать правителями страны, пришлось ей повиноваться. Каждый день правительница созывала их к себе, чтобы они отчитывались ей и получали приказы и распоряжения. Она следила за всем и знала обо всех решениях. К неудовольствию не исполняющих обязанности и нерадивых, ничто не оставалось скрытым от ее зорких глаз.

Узы этикета она попросту отбросила. Перед министрами она представляла, покрывшись шалью и в одежде, которую женщины носят на выход. О том, что общество могло это осудить, она не заботилась и неуклонно, энергично и умело шла своим путем.

Вскоре ей пришлось пройти серьезнейшее испытание. Она еще недолго держала в руках бразды правления, когда разразилась весьма опасная война, что, к несчастью, часто бывает в Омане. В близком нашем родственном клане возомнили, что можно малыми усилиями свергнуть власть женщины и заодно завоевать нас. Сжигая и убивая, их толпы прошли по стране и осадили столицу Маскат. Многие тысячи крестьян из разрушенных провинций, были вынуждены, бросив свое имущество, бежать сюда в поисках защиты и поддержки. Маскат хорошо укреплен и мог противостоять осаде. Но какой толк от даже самых крепких стен, когда заканчивается провизия и снаряжение?

В это трудное время моя двоюродная бабушка исключительно себя проявила и снискала удивительное уважение даже со стороны врага. По ночам она всегда одна в мужском костюме облезжала верхом сторожевые заставы; на всех опасных участках она

¹ В этой истории о знаменитой родственнице речь идет о биографии и подвигах не двоюродной бабушки, а родной тети, старшей сестры султана Са'ида ибн Султана А'иша бинт Султана (ум. после 1870 г.), которая выступала в качестве регента от имени Са'ида ибн Султана с 1806 г. Далее есть еще одна неточность. В год смерти султан-имама Султана бин Аль-Имама Ахмада, 1804, Са'иду ибн Султану было тринадцать, а не девять лет. Однако, сэр Р. Ф. Бертон рассказывает со ссылками на авторитетные источники, о Биби Мозе, более известной как Бинт аль-Имам, которая приходилась тетей Са'иду ибн Султану и сестрой его отцу, то есть, действительно «двоюродной бабушкой» Салме-Эмили и «сестрой ее деда». Биби Моза организовала убийство дяди Са'ида ибн Султана по материнской линии, который хотел узурпировать власть, причем убийцы воспользовались кинжалом юного Са'ида ибн Султана; ровно после устранения этого конкурента в 1806 г. Са'ид стал правителем Маската. Подобно тому, как сама Салме с патетическим пафосом называет свою двоюродную бабушку «храброй восточной женщиной», Бертон пишет «в каждом благородном арабском семействе должна быть хотя бы одна такая сильная духом женщина, которая сделала то, на что не решился юный шестнадцатилетний Сейид Са'ид (Burton 1872: 290–291).

следила за солдатами, и иногда ей удавалось избежать внезапного нападения лишь благодаря быстрому коню. Однажды вечером она выехала, будучи очень обеспокоеной: она узнала, что неприятель попытается подкупить стражу, чтобы прорваться ночью в крепость и вырезать всех. Поэтому она решила испытать солдат на верность. Она очень осторожно подъехала к одному из часовых, потребовала *акыда*¹ (офицера высокого ранга) и сделала ему очень заманчивое предложение от имени осаждавших. Страшный гнев отважного воина развеял все ее сомнения в намерениях солдат и даже подверг огромной опасности ее жизнь. Мнимого лазутчика хотели немедленно зарубить, и ей пришлось проявить величайшую ловкость, чтобы ее не убили свои же люди.

Осада Маската становилась все тяжелее. Начался голод, и отчаяние охватило сердца людей. Помощи извне ожидать не приходилось, и, чтобы хотя бы умереть с честью, решили совершить последнюю отчаянную вылазку. Запасов пороха оставалось только на одно сражение, однако полностью закончился столь нужный для ружей и пушек свинец. Тогда правительница приказала собрать для ружей любые гвозди и даже камни подходящего размера, чтобы использовать их вместо пуль. Все предметы из железа и латуни, какие только нашли, были переплавлены и заряжены в пушки. Правительница открыла свою казну и распорядилась переплавить на пули талеры Марии-Терезии². Задействовали все что могли, и вот — отчаянные усилия были вознаграждены. К счастью, враг был ошеломлен и разбежался во все стороны, оставив более половины своих людей убитыми и ранеными. Маскат был спасен. Освободившись от тяжелой напасти, храбрая женщина преклонила колени и в страстной молитве возблагодарила Всевышнего за его милость и помощь.

С тех пор ее правление было спокойным, и она смогла передать своему племяннику, моему отцу, государство в таком порядке, что тот был способен обращать свои взоры уже на иные дальнейшие цели и прежде всего покорить Занзибар. И за то, что обретение этой второй части владений стало вообще возможным, во многом мы благодарны ей, моей двоюродной бабушке. И она тоже была восточной женщиной!

Источники и материалы

- Ruete* 2011 — *Ruete* Э. Принцесса Занзибара. Женщины при дворе султана Сеида Саида. М.: Центрполиграф, 2011.
- Fosserer* 2014 — *Fosserer* Н. Звезды над Занзибаром. М.: Эксмо, 2014.
- Memoiren* 1886 — *Memoiren einer Arabischer Prinzessin*. Berlin: Verlag von Friedrich Luckhardt, 1886.
- Memoirs* 1888a — *Memoirs of an Arabian Princess. An Autobiography by Emily Ruete, née Princess of Oman and Zanzibar*. L.: Ward and Downey, 1888a.
- Memoirs* 1888b — *Memoirs of an Arabian Princess. An Autobiography by Emily Ruete, née Princess of Oman and Zanzibar*. New York: D. Appleton and Co., 1888b.
- Memoirs* 1907 — *Memoirs of an Arabian Princess. An Autobiography by Emily Ruete, née Princess of Oman and Zanzibar*. New York: Doubleday, Page and Company, 1907
- Ruete* 1905 — *Ruete E., nee Princesse d'Oman et Zanzibar. Memoires d'une princesse Arabe*. Paris: Dujarric et Cie, 1905.
- Ruete* 1989 — *Ruete E., geborene Prinzessin Salme von Oman und Sansibar «Leben im Sultanspalast*.

¹ *Акыд* — арабское воинское звание, соответствующее старшему офицеру (полковнику).

² Талер Марии-Терезии — серебряная монета, разновидность конвенционного талера, с серединой XVIII в. использовавшаяся в мировой торговле, выпускавшаяся и в качестве торговой монеты имевшая хождение как в Европе, так и на Среднем Востоке, в США и Китае. Т. М.-Т. Являлся валютой Маската и Омана.

- Memoiren aus dem 19. Jahrhundert». Frankfurt am Main: Athenaum, 1989.
- Ruete 1995 — Ruete E. Herinneringen van een arabische prinses. Amsterdam: Atlas, 1995.
- Ruete 1999 — Ruete E. Briefe nach der Heimat. Berlin: Philo, 1999.
- Vosserer 2010 — Vosserer N. Sterne über Sansibar. Köln, 2010.
- 1985 مذكرات أميرة عربية — Mudakkirat Amīra ‘arabiyya; Qaysī, ‘Abd al-Maġīd Ḥasīb al-; Masqat: Wizārat al-Turāt al-Qawmī wa-al-Taqāfa. 1406/1985.
- 2002 مذكرات أميرة عربية - سالمة بنت سعيد — Mudakkirat Amīra ‘arabiyya (Memoiren einer Arabischer Prinzessin). Emily Ruete (Übersetzer: Salma Salih). Köln: Al-Kamel Verlag, 2002.
- رسائل 2016 — Rasa'il ila-l-watan (Briefe nach der Heimat). Emily Ruete. Übersetzer: Zahir al-Hina'I. Freiberg am Neckar: Al-Kamel Verlag, 2016.

Научная литература

- Сиим (Москвитина) А. Ю.* Статус «матери детей» (умм валад): абиссинские наложницы в семьях занзибарских султанов // Петербургская эфиопистика. Памяти Севира Борисовича Чернецов. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 256–263.
- Успенская Е. Н. Раджпуты. Рыцари средневековой Индии. СПб.: Евразия, 2000. 384 с.
- Burton R. F. Zanzibar: City, Island and Coast. Vol.1. London: Tinsley Brothers, 1872. 504 p.
- Damen J. C. M. Waarom een prinses uit Zanzibar trouwde met een Duitse koopman — en hoe haar bibliotheek in Leiden terechtkwam // De Boekenwereld. Vol. 25. № 3. 2009. P. 231–236.
- Donzel van E. Sayyida Salme / Emily Ruete: An Arabian Princess between Two Worlds: Memoirs, Letters Home, Sequels to the Memoirs, Syrian Customs and Usages. Leiden: E. J. Brill, 1993. 550 p.
- Koningsveld van P. Sj. Conversion of European Intellectuals to Islam: The Case of Christiaan Snouck Hurgronje alias ‘Abd al-Ghaffār // Muslims in Interwar Europe. A Transcultural Historical Perspective. Series Muslim Minorities, Vol. 17 / ed. by B. Agai, U. Ryad, M. Sajid. Leiden: E. J. Brill, 2015. P. 88–104.
- Nippa A. Nachwort von Annegret Nippa' // Emily Ruete, Leben im Sultanspalast / ed. by A. Nippa. Frankfurt am Main: Athenäum, 1989. P. 269–288.
- Roy K. Only the “Outward Appearance” of a Harem? Reading the Memoirs of an Arabian Princess as Material Text // Belphegor. Littérature populaire et culture médiatique. 2015. Vol. 13. № 1. P. 1–28. <https://journals.openedition.org/belphegor/611>
- Wijk van der H. Het leven van Salme (1884–1924): prinses van Oman en Zanzibar, en de vroege uitgaven van haar memoires // Jaarboek van het Nederlands genootskap van Biblioifielen / ed. by G. Jaspers. Leiden: Uitgeverij De Buitenkant, 2017. P. 183–205.
- Wilde O. Literary and Other Notes V (Woman’s World, 1888) // Reviews by Oscar Wilde / ed. by R. Ross. London: Methuen and Co., 1908. P. 300–305.

References

- Burton, R. F. 1872. *Zanzibar: City, Island and Coast*. Vol.1. London: Tinsley Brothers. 504 p.
- Damen, J. C. M. 2009. Waarom een prinses uit Zanzibar trouwde met een Duitse koopman - en hoe haar bibliotheek in Leiden terechtkwam [Why a Zanzibar Princess Married a German Merchant - and How Her Library Ended up in Leiden]. *De Boekenwereld* 25(3): 231–236.
- Donzel, van E. 1993. *Sayyida Salme / Emily Ruete: An Arabian Princess between Two Worlds: Memoirs, Letters Home, Sequels to the Memoirs, Syrian Customs and Usages*. Leiden: E J. Brill. 550 p.
- Koningsveld, van P. Sj. 2015. Conversion of European Intellectuals to Islam: The Case of Christiaan Snouck Hurgronje alias ‘Abd al-Ghaffār. In *Muslims in Interwar Europe. A Transcultural Historical Perspective. Muslim Minorities*, Vol. 17, ed. by B. Agai, U. Ryad, M. Sajid. Leiden: E. J. Brill. 88–104.
- Nippa, A. 1989. Nachwort von Annegret Nippa' [Afterword by Annegret Nippa], in Emily Ruete, *Leben im Sultanspalast* [Life in the Sultan’s Palace] / ed. by A. Nippa. Frankfurt am Main: Athenäum. 269–288.
- Roy, K. 2015. Only the “Outward Appearance” of a Harem? Reading the Memoirs of an Arabian Princess as Material Text. *Belphegor. Littérature populaire et culture médiatique* 13(1): 1–28. <https://>

- journals.openedition.org/belphegor/611
- Siim (Moskvitina), A. Yu. 2019. Status “materi detei” (umm valad): abissinskie nalozhnitsy v sem’iakh zanzibarskikh sultanov [“*Umm Walad* (Mother-of-child) Status: Abyssinian Concubines in the Families of Zanzibari Sultans]. In *Peterburgskaiia efiopistika. Pamiati Sevira Borisovicha Chernetsova* [Ethiopian Studies in St. Petersburg. In The Memory of Sevir Borisovich Chernetsov], ed. by A. Yu. Zheltov and S. A. Frantsuzov. St. Petersburg: MAE RAN. 256–263.
- Uspenskaia, E. N. 2000. *Radzhputy. Rytsari srednevekovoi Indii* [Rajputs. The Knights of the Medieval India]. St. Petersburg: Evraziia. 384 p.
- Wijk, van der H. 2017. Het leven van Salme (1884–1924): prinses van Oman en Zanzibar, en de vroege uitgaven van haar memoires [The Life of Salme (1884–1924): Princess of Oman and Zanzibar, and the Early Editions of Her Memoirs]. In *Jaarboek van het Nederlands genootschap van Bibliofielien*, ed. by G. Jaspers. Leiden: Uitgeverij De Buitenkant. 183–205.
- Wilde, O. 1908. Literary and Other Notes V (Woman’s World, 1888). In *Reviews by Oscar Wilde* ed. by R. Ross. London: Methuen and Co. 300–305.